

Почему-то в тот миг изгиб улыбки на его бледно-красных губах заставил сердце Дань Чао слегка дрогнуть.

Се Юнь погасил улыбку:

— Великий учитель?

Дань Чао внезапно очнулся.

Хотя выражение лица было смутно знакомым, но телосложение другое, черты лица другие, при внимательном рассмотрении линия подбородка более мягкая... Наверное, он ошибся.

— ...Бедный монах был непочтителен, — Дань Чао кивнул, произнеся хрипло:

— Девушка права, бедный монах тоже так считает.

Поместье Ковки Мечей не осмелится отказать — это понял не только Се Юнь, но и Фу Сянжун неподалёку тоже остро почувствовала колебания матери и брата и тут же зарыдала ещё сильнее:

— Я не пойду в это гиблое место, не пойду!

Она оттолкнула Старую госпожу и, со слезами на глазах, обернулась, крича на Чэнь Хайпина:

— Двоюродный брат!

Чэнь Хайпин опешил.

Фу Сянжун плакала:

— Мы с двоюродным братом выросли вместе, все эти годы, хотя взрослые прямо не говорили, но брат должен был знать мои чувства. Неужели брат просто будет стоять и смотреть, как я выхожу замуж в эти Врата Духов и Призраков?

Впервые за столько лет Фу Сянжун так ясно выразила свои чувства, да ещё перед всеми, крича до хрипоты, заливаясь слезами.

Чэнь Хайпин замер, рука, сжимавшая рукоять меча, медленно сжалась крепче, и через мгновение он тихо закрыл глаза.

— Сянжун.

Его голос прозвучал через зал, совершенно непохожий на его обычное впечатление, наполненный совершенно затихшей хрипотой и мрачностью.

— Мы с тобой выросли вместе, были неразлучны с детства. Сегодня, даже если перед нами сильный враг, но настоящий мужчина с трёхфутовым синим лезвием, если будет просто смотреть, как его двоюродная сестра бросается в огненную яму, и не протянет руку помощи, то тогда я даже мужчиной называться не смогу.

— Но твоих чувств брат принять не может.

— Брат всегда видел в тебе лишь младшую сестру. Если бы я принял твои чувства, то предал бы тебя.

В зале на мгновение воцарилась тишина, только Дань Чао неожиданно покачал головой и очень тихо произнёс:

— Этот старший господин Чэнь действительно мужчина...

Затем он боковым зрением мельком увидел Се Юня и вдруг замер.

Се Юнь смотрел на Чэнь Хайпина, но словно сквозь него видел более тёмные, более давние события, уже стёртые и рассеянные в песке, носящемся по всему небу.

Спустя долгое время в его глазах постепенно проступила безмолвная, далёкая и глубокая печаль.

Лицо Фу Сянжун покраснело, затем побелело, слёзы закрутились в её глазах, и вдруг, сломавшись, она пронзительно закричала:

— Обманщик! Вы все обманщики! Двоюродный брат явно любит меня!

— Я не хочу замуж, лучше умру!

Только послышался звон украшений и подвесок, Фу Сянжун метнулась к каменной колонне в углу зала — в порыве ярости она вознамерилась покончить с собой!

— Сянжун!

Фу Вэньцзе плохо ходил, Старая госпожа была стара и слаба, многие в зале вообще не успели среагировать; Дань Чао был быстрее всех и уже бросился её останавливать, как вдруг услышал снаружи — свист!

Дань Чао резко остановился, повернув голову.

Что-то блеснуло, пронеслось мимо всех, промчалось у самого его лица, и в решающий момент раздался лишь хрустящий звук — хлясь!

— Ай! — Фу Сянжун получила удар по лодыжке, вскрикнула от боли и упала на пол.

Тогда этот предмет плавно упал на землю, все взгляды устремились на него, и в мгновение ока все остолбенели.

— Лист... — кто-то потерянно произнёс:

— Лист дерева?

Падающие листья и летящие цветы — всё может ранить. Это легендарное искусство, о котором никогда не слышали!

— Кто это?

— У старшей дочери весьма горячий нрав, — снаружи раздался холодный, чёткий юношеский голос, лениво произнёсший:

— Если так хочешь умереть, то после замужества можно медленно умирать сколько угодно.

Все резко обернулись и увидели у входа в главный зал десяток людей в чёрном с серебряными

масками, окружавших юношу в центре, который переступал через высокий порог и величественно входил внутрь.

Тот юноша был невероятно красив, черты лица как звёзды, тонкие губы алые, даже слишком красивые. Но телосложение у него было чрезвычайно мощное, обтягивающая короткая одежда позволяла разглядеть крепкие мускулы на плечах, спине и талии.

Пугали два момента.

Во-первых, у него были короткие рыжие волосы, яркие, как кровь, контрастирующие с бледной, как у северных народов, кожей — это выглядело просто демонически. Во-вторых, за спиной у него крест-накрест висело оружие — два огромных железных крюка.

Остриё крюков было острым, леденящий блеск, и он носил их так, без ножен, казалось, мог в любой момент выхватить один и распороть человеку живот, выпустив кишки.

— Вра... — Прошло несколько мгновений, прежде чем из толпы донёсся дрожащий голос:

— Врата Духов и Призраков...

Юноша остановился посреди зала, скрестив руки за спиной, с беззаботным выражением лица:

— Я, старший ученик Врат Духов и Призраков, Цзин Лин. Цзин — как в Цзин-ди передал воинское искусство, Лин — как в духовный угорь, возможно, дракон.

— Рад знакомству.

Дань Чао пристально смотрел на десяток замаскированных подчинённых рядом с юношей, его зрачки резко сузились.

Вечно присутствующая серебряная маска командующего Дворцовой стражей Се Юня и слова, услышанные в тот день в потайном ходе, одновременно вспыхнули в его памяти: [Командир Се, недаром вышел из убийц Скрытых врат...]

[Наследный принц до сих пор находится между жизнью и смертью, а ты уже почти оправился...]

В зале непрерывно шёл шёпот. На почётном месте Фу Вэньцзе тяжело дышал, его грудь бурно вздымалась, и через мгновение, пристально глядя на Цзин Лина, он хрипло произнёс:

— Почему господин Цзин почтил наш скромный дом своим визитом?!

Враждебность в этих словах была весьма очевидна, однако Цзин Лин, словно ничего не замечая, приподнял бровь и легко ответил:

— Свататься.

— Поместье Ковки Мечей, хоть и невелико, но имеет столетнюю историю, не потерпит, чтобы другие здесь бесчинствовали! Если Врата Духов и Призраков хотят буйствовать, не пеняйте, что сегодня Поместье Ковки Мечей тоже не станет щадить вас!

Цзин Лин с улыбкой спросил:

— Разве сватовство считается буйством? Тогда ваша дочь, что, вообще не собирается замуж

выходить?

Все присутствующие были потрясены.

— Свататься нужно не так, и Сянжун не может выйти замуж в такое драгоценное место, как Врата Духов и Призраков! — Старая госпожа ударила по столу, собираясь выругаться, но Фу Вэньцзе резко прервал её:

— Прошу господина Цзина удалиться!

Улыбающееся лицо Цзин Лина мгновенно изменилось, в его зловещих глазах постепенно проступила леденящая кровь жестокость.

— А если, — медленно произнёс он, — я всё-таки женюсь?

Атмосфера накалилась, в зале все затаили дыхание, стало так тихо, что можно было услышать падение иголки.

— Мечтать! Что ты за тип, я лучше умру, чем выйду за тебя!

Именно в этот решающий момент Фу Сянжун внезапно издала оглушительный крик, затем, сквозь слёзы оглядев всех, вдруг заметила в толпе Дань Чао в монашеском одеянии с чётками и тут же взревела:

— Я лучше за монаха выйду, чем за тебя!

[Дань Чао: ...?]

В зале воцарилась гробовая тишина.

Если предыдущая тишина была напряжённой, то теперь она стала зловещей.

Цзин Лин повернул голову в направлении, указанном Фу Сянжун, изначально намереваясь отпустить колкость, но, встретившись взглядом с Дань Чао, он, словно волк-вожак, учувший среди людей запах себе подобного, незаметно для других дрогнул.

Дань Чао, с двумя мечами за спиной, стоял, скрестив руки, его мечеобразные брови были остры, взгляд ясен. Его поза была подобна огромному валуну в Великой пустыне, отшлифованному тысячелетними ветрами и песком, но незыблемому, излучающему незримое, но могущественное давление, вызывающее в душе ледяную враждебность.

— ... — Цзин Лин отвел взгляд и холодно произнёс:

— Старшая дочь шутит. Называясь первой красавицей мира боевых искусств, как можно за монаха выходить.

Говоря это, он опустил руки, до этого скрещённые за спиной, по бокам, указательный и средний пальцы слегка согнулись, мышцы рук беззвучно напряглись.

Однако Фу Сянжун этого не заметила.

Фу Сянжун, казалось, что-то придумала, её глаза засверкали:

— Вы же хотите жениться на первой красавице мира боевых искусств, хорошо!

Она, преодолевая боль в ноге, поднялась и, спотыкаясь, бросилась вперёд. Никто не понял, что она собирается сделать, но её движения были необычайно проворны: она прямо подбежала к Се Юню в толпе и одним движением сорвала с него вуаль!

— Вот она — первая красавица мира боевых искусств!

Фу Сянжун, указывая на Се Юня, кричала до хрипоты:

— Господин Цзин, отпустите меня, женитесь на ней!

Дань Чао пришёл в ярость, выхватив лёгкую вуаль из рук Фу Сянжуна:

— Ты!

Все одновременно обернулись и увидели, что в глазах Се Юня, казалось, мелькнуло удивление, но также, похоже, не было никаких эмоций; он приподнял бровь и взглянул на Цзин Лина неподалёку.

Цзин Лин на мгновение застыл.

Он медленно нахмурился, пристально глядя на лицо Се Юня, словно какие-то глубокие воспоминания внезапно всплыли в его сознании:

— Эта...

Затем он прищурил глаза, острые, как у ястреба, уставившись на плечи, грудь и бёдра Се Юня, и следующие два слова девушка так и не слетели с его губ.

Его голос оборвался.

<http://bllate.org/book/15578/1387102>